

Камертон другого звучания

Генеральный директор компании «СОКОЛ Холдинг», директор департамента Центральной Европы Realpolitik.tv Ксавье Моро в беседе со специальным корреспондентом журнала «Экономические стратегии» Ларисой Полковниковой поделился своим видением истории взаимоотношений России и Франции и обозначил параллели в истории наших стран. Собеседники обсудили также важнейшие проблемы современной международной политики, а кроме того, нюансы национального характера.

Какой образ России и Франции сформировался у Вас на сегодняшний день?

Первое слово, которое приходит мне на ум, это «взаимодополняемость». Я считаю Россию идеальным союзником для Франции, которая последние сто лет проводит политику, ориентированную на достижение равновесия в Европе. В России имеются ресурсы, которые нам нужны, а у нас есть знания и умения, необходимые Вам для того, чтобы продолжать развитие и модернизацию экономики. Я уже не говорю о культурных связях двух наших стран — общеизвестно, что французский язык играл очень важную роль в жизни русского дворянства в XVIII и XIX вв. Достаточно напомнить, что «Война и мир» была частично написана по-французски. Потом мир стал скорее англосаксонским по духу, и французскому языку пришлось уступить свои позиции, но тем не менее наша литература имеет множество точек соприкосновения с русской литературой. Чтобы лучше понять страну, нужно знать ее язык. Это справедливо как для Франции, так и для России.

Как возникла идея заниматься физической и экономической безопасностью, т.е. тем, чем занимается Ваша компания «Сокол»?

В этом была необходимость, и мы просто ответили на потребность. Наша компания работает для французских фирм и предприятий. Если можно так сказать, оказываем русские услуги, но на французском языке. «Сокол» отличается от российских компаний, в том числе прозрачностью деятельности. «Сокол», кроме всего прочего, — консалтинговая фирма, и это наше преимущество. Когда речь идет о физической безопасности, мы пользуемся услугами российских компаний, как того требует Ваше законодательство.

А откуда появилось такое название — «Сокол»?

Дело в том, что мы — три француза, учредившие компанию, — живем на Соколе.

Т.е. фирма получила имя по названию района? Все так просто? Есть ли у Вашей компании конкуренты на российском рынке?

Французских конкурентов нет, а российские есть, конечно. В России гораздо больше людей, работающих в сфере обеспечения безопасности, чем солдат во французской армии. Но наша консалтинговая фирма уникальна. Сфера нашей деятельности — Россия и Украина.

У консалтинговой компании «Сокол» есть своя философия?

Наша фирма предлагает конкретные решения конкретных задач в конкретных условиях и, как я уже сказал, делает это прозрачно. В России сейчас пытаются как-то регулировать законы и перейти на нормальный режим работы. Мы, собственно, в этом русле и движемся.

Какие, на Ваш взгляд, перспективы у французского бизнеса в России? Можно ли здесь вообще вести цивилизованный бизнес?

Я считаю, что в целом у России потрясающий потенциал и перспективы для французских фирм здесь тоже должны быть потрясающие. Это французские бизнесмены поняли достаточно давно, и французское правительство тоже потихоньку начинает понимать, о чем свидетельствует деятельность Торгово-промышленной палаты Франции.

В России уже три века подряд популярно все французское, абсолютно все. Чем Вы можете объяснить такую популярность Франции у русских?

Образ Франции, сложившийся в России, — это образ благополучной, процветающей страны, которая является символом красоты и элегантности. Мы очень рады, что здесь воспринимают Францию именно так, но в то же время я хотел бы, чтобы россияне знали, что во Франции кроме роскоши и праздности есть новейшие технологии, крупные банки и компании и с ними можно иметь дело.

Насколько мне известно, у Вас русская жена?
Да.

Если можно, расскажите о Вашей первой встрече. Чем она Вас очаровала?

Думаю, что история нашей встречи, как и любая история любви, уникальна. Скоро будет три года, как мы живем вместе, и я замечаю в своей жене те черты, которые мне очень нравятся в русских женщинах: женственность, честность и открытость в отношениях с мужчиной и в то же время зрелость.

Может быть, это следствие того, что Россия более консервативна?

Русская женщина занимает такое место в обществе, что у нее нет необходимости конкурировать с мужчиной. Женщины здесь не хотят равенства, потому что на самом деле они занимают более высокое положение, чем мужчины, и ценят себя.

Если возможно, революций надо избегать. Революция — это смерть. Любая революция — это деградация, снижение уровня.

Солженицын в работе «Черты двух революций» очень подробно рассматривает Великую французскую революцию и Октябрьскую революцию 1917 г. Он пишет: «...и Франция, и Россия после этих революций пережили разгул преступности и нищету, что было закономерным результатом». А как Вы относитесь к революциям как форме протеста и способу осуществления социальных изменений?

Если возможно, революций надо избегать. Революция — это смерть. Революция привела к тому, что Франция потеряла лидирующие позиции в Европе, а в России она спровоцировала такую концентрацию несчастий и бед, какой нет аналогов в истории человечества. С другой стороны, и Россия, и Франция

плохо поддаются реформам. Революции не рождаются из ничего. Они происходят тогда, когда что-то не ладится, что-то плохо работает.

Вы говорите о внутренних причинах или о внешних? Возможно, успехи наших стран, достигнутые в начале XX в., кому-то не очень нравились?

У Великой французской революции в основном внутренние причины, а что касается России, то тут кроме прочего определенное влияние оказала Первая мировая война. Армия, которая была плохо подготовлена, царь, некомпетентный как верховный главнокомандующий, — он предпочитал слушать свою жену, а не своих генералов. В то же время внутренняя ситуация в России была очень нестабильной — революционные ячейки по всей стране. Кстати, среди революционеров было много нерусских: польский аристократ Дзержинский, грузин Сталин и другие.

Мы благодарны Франции за то, что она приютила и тем спасла нашу интеллигенцию. Но в то же время ее отъезд из страны привел в конечном итоге к деградации нации.

Совершенно верно. Любая революция — это деградация, снижение уровня. Но за последние 20 лет Россия совершила колоссальный рывок. Мне кажется, Вам нужно примириться со своим прошлым и не противопоставлять больше историю царской и советской России.

Вам не кажется, что глобализация беспощадна к национальным традициям?

Вы правы, и в то же время, я думаю, есть две глобализации. Одна — техническая, делающая жизнь более комфорта-

бельной, облегчающая коммуникацию. Это позитивная глобализация. Вторая представляет собой англосаксонский политический проект, цель которого состоит в том, чтобы разрушить все цивилизации и создать глобальную деревню. И это плохая глобализация, но сейчас она терпит крах, т.к. происходит подъем национальных культур и национального самосознания.

История свидетельствует, что поведение толпы, особенно под действием страха, — это практически абсолютное зло, то самое зло, которое умело использовали революционеры.

У профессора Сорбонны Пьера Бурдьё есть работа «Негарантированность повсюду». Бурдьё пишет, что в этом мире человеку очень сложно сохранить свою мораль и культурные ценности. Он становится рабом корпоративных интересов.

Бурдьё прав. Действительно, у мультинациональных корпораций своя собственная мораль — или, скорее, антимораль. Они могут закрыть завод во Франции и открыть его, например, в Китае, не считаясь с национальными интересами. Отдельные индивидуумы не в силах противостоять влиянию и натиску этих корпораций и будут уничтожены, если их не защитит государство.

Сегодня Франция вернулась в объединенное командование НАТО. Наши страны сталкиваются с общими вызовами. Это, например, экстремизм, терроризм. Могут ли они объединиться, чтобы противостоять подобным угрозам? И, может быть, есть еще какие-то вызовы, о которых стоит говорить громче?

НАТО было создано, чтобы противостоять Советскому Союзу и его влиянию, военной силе. Когда эта опасность перестала существовать, НАТО должно было в принципе исчезнуть. В 1989 г. в

обмен на объединение Германии русским были даны гарантии расширения НАТО на восток. Эти обещания не были выполнены, потому что США не захотели отказаться от инструмента, который позволял им сохранять гегемонию и распространять свое влияние на европейские страны. Я хотел бы провести параллель между этими событиями и тем, что происходило в Афинах после победы греков над персами в

В в. до н.э. Чтобы одолеть персов, Афины создали военный союз. После того как персы потерпели поражение, союз не был распущен. Он стал терроризировать греческие города-государства, и это очень плохо кончилось для Афин. То же самое происходит сейчас с Соединенными Штатами. В 1991 г. США могли стать международным арбитром — они победили нацистов, затем коммунистов. Но вместо этого американцы выбрали тот же путь, что и афиняне — стали воспроизводить военные конфликты, цветные революции. Обманув Россию, США размещают ракеты практически у ее границ. Боюсь, что для них это тоже плохо кончится.

У Платона в «Атлантиде» есть предупреждение о том, что гордыня губит.

В греческом мире разумный расчет был добродетелью. Во главу угла ставилась мера.

Вы упомянули о Солженицыне. В 1974 г. Солженицын из США написал письмо руководителям СССР, где перечислял, что необходимо сделать, чтобы Россия могла подняться. В частности, он писал о том, что надо прекратить вмешиваться в судьбы других народов. То же самое сейчас можно

было бы посоветовать Соединенным Штатам.

В книге «Преступная толпа» Сидни Сигеле делает вывод о том, что экстремистские формы поведения толпы — это зло, а Гюстав Лебон говорил о том, что толпа всегда преступна. Вы, как офицер французской армии, как представитель охранной фирмы, могли бы с этим согласиться?

Толпа практически всегда агрессивна и опасна. Ею легко манипулировать. Есть два великих манипулятора, которые подвели теорию под поведение толпы. Во-первых, американец Эрик Берн, во-вторых, Серж Чакотин, который считает пропаганду средством политической коммуникации. История свидетельствует, что поведение толпы, особенно под действием страха, — это практически абсолютное зло, то самое зло, которое умело использовали революционеры.

Можно ли фальсификацию истории рассматривать как одну из форм манипуляции сознанием?

Сегодня некоторые сравнивают нацизм и коммунизм. По-моему, это сравнение не имеет никакого смысла. Есть фундаментальное различие между немецким нацизмом и советским коммунизмом: нацизм в Германии был искоренен, потому что немцы проиграли войну, а коммунизм в России перестал существовать, потому что русские сами освободились от него. Думается, те, кто проводят такие аналогии, хотят вызвать у русских чувство вины. Такой рычаг используют англосаксонские политические круги, приверженные глобализации. Большой страх англосаксонского мира — это объединенная Европа от Парижа до Москвы, которая мгновенно отбросит англосаксов на периферию. Им необходимо постоянно поддерживать напряженность в Европе. Сегодня, например, Соединенные Штаты и НАТО строят новый «железный занавес», милитаризируя страны Восточной Европы.

Поскольку мы заговорили о войне и нацизме, давайте вспомним, что 2010 г. — юбилейный. Это год 65-летия Победы. Возможно, Вам приходилось общаться с ветеранами? Что больше всего поражает в этих людях?

Их патриотизм. Они и сегодня готовы защищать свою Родину. Эти люди остались патриотами даже после сталинских репрессий, когда из армии было «вычищено» 40 тыс. офицеров.

Армию фактически обезглавили. А есть ли какие-то особенности русской крови, как Вы думаете?

Есть национальный характер. Император Фридрих говорил, что русского солдата недостаточно убить. Чтобы он упал, его нужно еще и толкнуть. Если в начале Великой Отечественной войны фашистская пропаганда говорила о славянине как о недочеловеке, то в конце войны поведение русских солдат ставилось в пример немецким военнопленным.

Расскажите, пожалуйста, о Вашем проекте. С какой целью он был создан?

Realpolitic.tv был создан в феврале — марте Эмериком Шопрадом, который был руководителем Realpolitic в военном институте в Париже. Где-то год назад министр обороны уволил его под благовидным предлогом, а на самом деле причиной увольнения стали его прорусские настроения. Это был как раз тот момент, когда Франция возвращалась в НАТО и американская пресса попросила голову Энрика Шопрада. Шопрад подал в суд на министра обороны и выиграл процесс. Он недавно дал интервью Russia Today, у них на сайте есть его интервью. Там Вы найдете многое из того, о чем я Вам сегодня говорил. Наша цель — разносторонность и многополярность. Мы против проамериканской однополярности. В этом проекте задействована не только Россия, но я занимаюсь непосредственно русским миром. Кроме того, у нас есть специалисты по Китаю, Таиланду, да практически по всем странам. Это ученые с университетским об-

разованием. Наша задача — разрушение стереотипов, формирование альтернативной позиции. Т.е. Realpolitic.tv — это камертон, создающий другое звучание. Однажды я задал вопрос известному французскому журналисту: почему во Франции СМИ с такой ненавистью отзываются о России и Сербии? Он мне ответил, и это был, наверное, самый удивительный ответ, какой я когда-либо слышал: «Потому что они ненавидят Францию». Но в союзе с Сербией и Россией Франция как раз и станет самой собой. Этот журналист сам ненавидит Францию, а французская пресса, к сожалению, пребывает под влиянием идеологии глобализации.

Сербия, Россия и Франция привержены христианским ценностям, а глобализация равносильна де-христианизации Европы.

Сближение этих трех стран лежит скорее в плоскости политики, чем религии. Но с другой стороны, совершенно очевидно, что христианские ценности являются основным препятствием на пути глобализации. Ведь основная цель глобализации — руководить абсолютно изолированными друг от друга индивидуумами без прошлого, без семьи, без родины. Все, что связывает человека с прошлым его народа, с его культурой, раздражает глобалистов.

Мне страшно интересно: как Вам удалось так хорошо понять Россию и ее народ, вникнуть во все наши проблемы?

Я приехал в Россию и благодарен за то, как русские меня приняли. Это облегчило мне процесс понимания, как и то, что Россия и Франция находятся на одном интеллектуальном уровне. Именно в обществе русских я чувствую себя французом. Русские очень благожелательно настроены по отношению к Франции, и это помогает бороться с неприятием самих себя, которое нам навязывают. Такое доброе отношение вернуло французам любовь к самим себе. И мне хочется сделать для русских то же самое, чтобы и они полюбили себя.

А есть ли у Вас любимое место в Москве или в России, куда хочется возвращаться?

Я очень люблю Москву, этот современный динамичный город.

И наш традиционный вопрос: есть ли у Вас любимая притча или пословица, которая точнее всего отражает Ваше жизненное кредо?

Да, есть. Это русская пословица: «Только у дураков нет врагов».

ПЭС 10099/12.04.2010

